сацыяльныя карані. У тагачасным савецкім грамадстве з’явіўся “сацыяльны заказ” на “новыя 20-я гады”. Гэта пацвярджаецца тым фактам, што многія асаблівасці творчасці паэтаў філалагічнага пакалення супадаюць з асаблівасцямі светаўспрымання іх папярэднікаў з дваццатых гадоў.

Заклучэнне. Паэты-шасцідзсятнікі стварылі вобраз героя, які аказаўся здольны пераадолець усе перашкоды на сваім шляху, аднак ён змог дзейнічаць толькі ў межах адведзенага яму тэксту, на ўмоўнай і зададзенай у многім тэрыторыі. Менавіта ў гэтым і выяўляецца несуднаснасць паміж імкненнем аўтараў да пераадолення мяжы паміж мастацтвам і рэальнасцю і ўмоўнасцю рамантычных прыёмаў пісьма, аднак у пэўных грамадскіх умовах рамантычная тыпізацыя атрымлівае магчымасць больш праўдзівага адлюстравання рэчаіснасці, чым рэалістычная. Заўважым, што словы ў паэзіі канца 50-х–60-х гадоў не сталі пустым гукам, што адбылася дэканструкцыя ідэалу, недасягальнасць мары пры існуючым сацыяльна-грамадскім ладзе змянілася расчараваннем.

Спіс літаратуры

1. Бельскі, А. “Сузор’е выспелай рабіны”. / А. Бельскі // Крыніца. – 2001. – № 11–12. – С. 219–227.
2. Дубавец, С. Ружовы туман: Раздзел з гісторыі таталітарызму. / С. Дубавец // ЛіМ. – 1998. – 9 студз. – С. 5.
3. Каваленка, В. Пакаленне – гэта аднадумцы. / В. Каваленка // Крыніца. – 2001. – № 11–12. – С. 249–251.
4. Мішчанчук, М. Феномен гэтага пакалення вызначаны тым рамантычна-ўзнёслым часам. / М. Мішчанчук // Крыніца. – 2001. – № 11–12. – С. 198–204.
5. Тычына, М. Жыццё ў слове. / М. Тычына // Крыніца. – 2001. – № 11–12. – С. 193–197.

ДУХОВНЫЙ КОД И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

В.А. Маслова

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

В антропоцентрической парадигме изменились способы конструирования предмета лингвистического исследования, появилось несколько конкурирующих метаязыков лингвистического описания. Один из способов описания языка – через систему концептов, другой, связанный с первым, через коды.

Тема адекватного описания концептов духовной культуры на метаязыке современной науки сравнительно новая. Здесь можно пойти разными путями. Один из них – обращение к опытам истолкования соответствующих концептов изнутри самих конфессиональных систем. При этом секулярное понимание можно описывать как отклонение от первоначального видения. Так работает В.И. Постовалова. Другой путь – секулярное понимание сделать основным, т.е. работать в основном на научных, художественных философских и публицистических текстах, а конфессиональное рассмотреть как дополнительное, с позиций того, что было нами утрачено. Мы выбираем второй путь.

Материал и методы. Методы наблюдения, описания, компонентного анализа, семантической реконструкции остаются наиболее популярными, в частности, потому, что они позволяют верифицировать гипотетические предположения, выдвигаемые в работе.

Результаты и их обсуждение. Несколько слов о сущностях, названных в за-

главии статьи – концепт и код. Мы понимаем концепт, вслед за Ю.С.Степановым, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюновой, как «понятие, погруженное в культуру», обладающее эмотивностью, коннотациями, аксиологичное и культурно-специфичное по своей природе образование. Это как бы сгустки национально-культурных смыслов, «ячейки культуры», по словам Ю.С.Степанова, значительная часть смыслов которых закрепляется в языке. Поэтому можно сказать, что язык связывает людей в нацию/этнос через концепты, которые объединяются в концептосферу.

Не вдаваясь в анализ многочисленных пониманий концепта, примем его рабочее определение. Концепт – это лингвоментальное образование, частично вербализованный культурный смысл, имеющий имя/имена в языке и включающий в себя значение, культурные коннотации, понятие и образ, лежащий в основе наименования (ВФ). Сходство концепта со значением позволяет описать лексическую и грамматическую подсистемы языка по концептам национального менталитета. Именно так познают слова и их смыслы реальные носители языка, поскольку проявление концептов культуры в народном менталитете и составляет обыденное сознание среднего человека этой культуры.

Теперь несколько слов о понятии кода, которое сейчас активно используется в теории языка, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике. Пришло оно из семиотики, в которой означает закон соответствия плана содержания плану выражения. Кодом задается значимость знака, а интерпретатор (воспринимающий) эту информацию расшифровывает. Правила прочтения задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора. Следовательно, код вырабатывается и функционирует в культуре. Наиболее удачным, берущим начало в трудах В.Н. Телия, нам представляется понимание кода В.Красных, согласно которой под кодом культуры понимается «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Следовательно, культурный код – это совокупность универсальных и национально-специфичных явлений, формирующая национальную картину мира, это способ структурирования культурного знания.

Коды культуры связаны с древнейшими архетипическими и мифологическими представлениями о мире. Сама культура выступает как совокупность различных кодов. Коды культуры образуют систему координат, которая задает эталоны культуры. Выделяют целый ряд кодов культуры: космогонический (*звездный час, быть на седьмом небе*), соматический (*рука в правительстве, голова колонны, третий глаз*), пространственный (*слева, верхний* - здесь имеется в виду наблюдатель, по отношению к которому указываются пространственные координаты), временной (*на октябрьские, перед Рождеством*), военный (*отвоевывать позиции, возвращать утраченные позиции, сдавать позиции, ломать копы, сложить оружие, поднять меч, битва умов*), предметный (*звездь программы*), природно-ландшафтный (*лес рук, родословное древо*), архитектурный (*мосты дружбы, храм науки*), обонятельный (*запах крови, пахнуть войной, дохнуло страхом*), код одежды (*до положения риз, засучив рукава, родиться в рубашке*), пищевой код, один из доминантных в русской культуре, с его помощью обозначают качества человека – свойства личности – *сахарные уста, сладкие речи* (хитрый), *мало каши ел* (слабый), *ни рыба ни мясо* (никакой), *есть хлеб не даром* (много работать), *давать пищу для размышлений* (способствовать возникновению интереса); взаимоотношения с людьми в пищевом коде – *подливать масла в огонь* (обострять неприязненные отношения), *выхватить кусок хлеба изо рта* (причинить вред), *насыпать соли на хвост* (не причинить вреда), *на бобах провести, кормить кулаками, есть поедом, задавать перцу*. Отношение к пище – важный показатель

социального расслоения – *перебиваться с хлеба на квас, часом с квасом, порой с водой* – бедно, впроголодь), *как сыр в масле катается, одна рука в сахаре, другая – в меду*. Спортивный код, который в ряде лингвокультур, например, английской, является важнейшим для выражения действий, поведения, норм и ценностей: *заткнуть за пояс, положить на обе лопатки* и др. Широко распространен в русской лингвокультуре зоологический код: о хитром человеке говорят: *Ну и жук!* О сладко и много спящем человеке – *Спит как сурок*; о дюжей и ловкой женщине – *конь-баба*, о плохой матери – *кукушка*, о красивых и стройных женщинах – *лебе-душка* и т.д. Геометрический код: *сделать круглые глаза* – удивляться, *круглый отличник, круглые сироты, круглые дураки, обвести вокруг пальца*, расчеты округляют.

Список кодов на сегодняшний день открыт. Многие в кодах кажутся на первый взгляд странными. Например, в русской культуре, где процент «морского» населения очень невелик, широко распространен «морской код»: *всплыть в памяти, океан чувств, на всех парусах, буря в стакане, быть на мели, найти тихую пристань* и др.

Названные коды являются базовыми и соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры, с их помощью может быть объяснен механизм многих тропов – метафоры, метонимии, олицетворения и др. Эти коды универсальны как феномен, свойственный человеку разумному и культурному. Их реконструкция по материалам языка поможет воссоздать особенности восприятия и понимания явлений действительности человеком. Часть названных кодов хорошо изучена и описана в лингвокультурологии (Гудков, Д., Ковшова, М. Телесный код русской культуры. Материалы к словарю / Д. Гудков, М. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007, – 288 с.; Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: 2003. – 283 с.). Остальные коды практически не изучены.

Наиболее интересен духовный код культуры, основу которого составляют нравственные ценности и эталоны. Этот код изначально онтологичен, он пронизывает все наше бытие, обуславливают поведение и деятельность. С помощью духовного кода как раз и может быть представлен «дух народа» (в понимании В.Гумбольдта): это система нравственных законов, духовных ценностей, выработанных нацией в процессе ее формирования; это система универсального и культурно-специфического, сложившаяся в национальной картине мира.

Можно ли сводить духовный код исключительно к религиозному опыту? Едва ли это будет правильно для жившего почти век в атеизме народа. Думается, что следует учитывать не только опыт богословов, но и опыт психологов (от Л. Выготского до Бехтеревой), философов. Так, нравственный закон внутри нас, по Канту, – это присущее человеку свойство различения добра и зла, голос совести и внутреннее требование правды. Внимание к себе, самоанализ раскрывает человеку внутри себя целый мир, где действительно «дьявол с Богом борется» (Достоевский). Совесть – наиболее очевидное проявление нравственного закона.

Заключение. Таким образом, сохранить исчезающую духовность может лишь сакральная мудрость, веками передающаяся от учителя к ученику. Духовность трансцендентна по своей природе: таинственным и непостижимым образом она связана с иным планом бытия. Ухватить ее, да и то не в полной мере, может лишь язык. При этом понятие кода, пришедшее из теории информации и теории коммуникации в семиотику, в современной науке становится предельно размытым. Нужно вернуться к его первоначальным значениям, вписывая и адаптируя это понятие в лингвокультурологию.